

становятся замкнуты и застенчивы — именно эти черты у главных героев наблюдает читатель. Инициаторы такого отношения (как Артем и Кирилл Нагаев) тянут за собой остальных. Ребенок в десять лет и в пятнадцать, несмотря на меняющееся восприятие мира и себя, все еще ребенок, и он нуждается в понимании и поддержке.

Родителям полезно было бы послушать истории, написанные от первого лица. Детям есть что сказать взрослым, а последним в свою очередь на примере героев повестей найдется чему следует поучиться у детей. Стремиться стать сильнее духом, добрее и организованнее — вот где нет предела совершенству! Герои Елены Соковениной и Тони Шипулиной доказывают, что главное — начать с себя и не забывать, что красота находится внутри.

Юлия КРЮЧКОВА

ГОРОД, КОТОРОГО НЕТ

Москва: место встречи / Сост. Е. Шубина, А. Шлыкова. М.: АСТ, редакция Елены Шубиной. 2017.

«Москва: место встречи» — сборник, объединивший на своих страницах более тридцати авторов, среди которых поэты, прозаики, режиссеры, историки, музыканты, художники рассказывают о своей потаенно-личной Москве. Здесь действительно почти не встретишь таких исхоженных туристами мест, как Красная площадь. Авторы поведут нас за руку по коридорам коммуналок, где каждая комната может быть сценой для событий исторического масштаба или временным пристанищем для кого-нибудь из великих. Но куда чаще читатель будет погружаться не в хитросплетения истории города, а в детские воспоминания авторов.

А поскольку детство у всех советское, почти общее, то неудивительно, что оно оказывается поразительно схожим. Мечта о газировке с двойным сиропом, сдача стеклотары, теснота коммуналок, первые телевизоры, дворовые развлечения и опасности — множество этих черт объединяет московских детей из абсолютно разных районов. Вспоминая город детства, они заново конструируют собственную географию Москвы, начиная от описания комнаты и заканчивая поездками на московском транспорте во всевозможных направлениях. Именно об этом открывающий «Москву...» текст Людмилы Улицкой, задающий тон сборнику, о постепенном расширении пространства в глазах ребенка-первооткрывателя.

Немудрено, что в рамках одного описываемого города мечутся сквозные персонажи. В переулках и по лестницам издательств скользят тени Пастернака, Булгакова, Маяковского, Цветаевой, Пастернака, Ерофеева, Олеси и многих других московских авторов. Разумеется, есть здесь и те, кто вершат судьбы граждан советской столицы. Но с правителями наравне оказываются и такие люди, как точильщики, старьевщики, хамки продавщицы с золотыми зубами, инвалиды войны, мужики за домино, кричащие: «Рыба!» — их вклад в создание образа той Москвы будет не меньшим, чем у Сталина. Отдельное удовольствие доставляют моменты, когда авторы действительно «встречаются» на страницах сборника, пусть даже и в разное время. Как, например, Владимир Шаров и Дмитрий Данилов на Ходынке, от таких столкновений реальное место становится многомерным, преломляясь сразу в двух головах.

Но все же, несмотря на множество общих тем у участников встречи, Москва у всех разная и, соответственно, находит совершенно разное художественное воплощение. Поэ-

тическое для Евгения Бунимовича и Марины Богородицкой, для Алены Дергилевой — акварели города, для остальных — проза, но, опять же, у каждого разная. Кто-то повествует лишь об одном доме, например, Марина Москвина, жившая в первом небоскребе Москвы, доме Нирнзее, или Татьяна Щербина, описавшая быт своего «гарема» в Сухаревской башне. Кто-то описывает весь свой район, как Дмитрий Данилов — Тушино или Алексей Варламов — Автозаводскую. Кого-то интересует конкретный временной период жизни Москвы, об этом «Военная Москва» Виталия Вольфа. А для кого-то Москва — это ушедший быт того времени, потому Юрий Гаврилов так скрупулезно описывает свои походы в баню, а Александр Минкин пускается в подробнейший пересказ того, как правильно сдавать бутылки, и диктует списком цены на продукты, ведь бутылка молока с крышечкой из фольги сейчас — это такое же прошлое, как и взорванные Советами храмы. У кого-то на первый план выходит история общая, а у кого-то личная. У каждого свой любимый сезон в Москве: кому милее поджигать тополиный пух, а кому следить, как татарин-дворник убирает снег. Да и детство не у всех одинаковое при еще строящемся коммунизме: теплое и счастливое у Майи Кучерской и детдомовское у Виталия Вольфа, в самом центре Москвы у Ивана Цыбина и в бараке на окраине у Александра Архангельского. Воспоминания — вещь субъективная, потому и такой контраст настроений даже в соседствующих в сборнике текстах: почти материальное ощущение от давящего на современный город прошлого у Марины Голованивской и чистый восторг от Москвы в любых ее проявлениях у Ролана Быкова. Описать Москву целиком и единообразно оказывается непосильной задачей, ведь она постоянно меняется, но возможно выделить отдельные точки, которые наименее подвержены изменениям, например, как Воробьевы (Ленинские) горы в тексте Дмитрия Быкова или Москварека (в однослово!) Алексея Варламова.

Но есть и тема, объединившая калейдоскоп городских обличей, — это тоска по потерянной Москве. Поголовное количество текстов ностальгические, настоящая, взаимная Москва осталась в далеком авторском детстве или в юности вместе с деревянными оконными рамами. А про современный мегаполис мало кто находит что сказать, кроме как выразить сожаление об утраченном Третьем Риме. Большинство из описанного в сборнике уже нет, какие-то дома снесли, какие-то переделали под офисы, а люди, их населявшие, либо разъехались, либо их уже нет в живых. Бизнес-центр становится символом торжествующей повседневности, и даже отреставрированные памятники с приобретенным лоском теряют и подлинный облик, и историю. Лейтмотив сборника выразил Владимир Березин: «Место встречи всегда оказывается местом ностальгии. Ностальгия — это не тоска по родине, а тоска по другой жизни. Несколько поколений в моей стране жили будущим, забыв о прошлом и закрывая глаза на настоящее».

Несколько выделяется среди чисто ностальгических текстов «Замолк скворечник» Сергея Шаргунова. Ему удастся рассказать и о потаенной церковной истории Москвы, и о истории собственной семьи, и о детстве, где советская повседневность превращается в картины Питера Брейгеля, и о молодости в первых появившихся клубах. Все это без разрыва с современной Москвой, ведь вот же его собственный сын перед старинным храмом читает «Песнь о купце Калашникове», размахивая айпадом. Тоже несколько выбивается из остальной прозы «Дом десять» Дмитрия Данилова. Здесь автор ставит очень конкретную задачу — показать свой район, без глубокого экскурса в историю или изображения чьей-то чужой драмы. Но в результате появляется универсальная картина московской окраины, которая жива и сейчас, пусть даже что-то и снесли и большинство жильцов сменилось. Нечто подобное мы найдем в «Школе для дураков» Саши Соколова: сотворение подмосковной дачи, существующей вне времени.

В целом сборник прекрасно справляется с задачей показать читателю Москву, которую никак нельзя увидеть самому. Теперь гуляя по столице, краем глаза он сможет заметить потайные углы маленьких москвичей и москвичек, которые сейчас уже серьезные дяди и тети, занятые литературой. При описании прошлого Москвы авторы ненароком проговаривают очень интимные моменты из собственной биографии наряду с историческими анекдотами и фактами, что прячутся по архивам, делая «Москву: место встречи» неожиданно личной книгой. И потому, наверное, найдутся те, кому как раз не понравятся вздохи об утраченной молодости да о родном крылечке, перебирание незначительных деталей без монолитной картины советского прошлого, без современной Москвы. На это им может ответить один из авторов, Денис Драгунский: «Конечно, все это ерунда и мелочь. Но жизнь состоит не только из книг, поцелуев и слез. Она еще состоит из бубликов и брынзы. Моя, во всяком случае. И если вдруг взять и выдернуть из нее бублики с брынзой — уж не говорю про вид на Садовую с одиннадцатого этажа, — то все книги, поцелуи и слезы разлетятся в разные стороны».

Ирина ИВАНОВА

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Анна Болава. Во тьму. Роман. Пер. с чеш. и прим. А. Агаповой.

СПб.: Симпозиум, 2018. — 312 с.

«Я лечу сквозь пространство, выжженное наступающим летом, которое через час другой остынет под проливным дождем. Выдергиваю из волос ленту и несусь, выбрасывая во все стороны язык пламени. Мне хочется закрыть глаза и взлететь, но приходится держать себя в руках, ведь навстречу нет-нет да и попадают люди, и потом опять начнутся разговоры, что я веду себя неприлично. Простые смертные нашего городка никогда не поймут, чем живет вила». Вся книга — монолог *странной* женщины, вся которой жизнь подчинена сбору лечебных трав, превратившемуся в захватывающий процесс. Время действия — июнь, пик сезона, самое лучшее время, когда за пару дней расцветает все самое главное: липа, одуванчики, таволга, календула. И надо успеть посетить все заветные места и охватить красоту всех трав разом. Искусство сбора трав и обработки превращается в поэтическое действие. Но сбор трав — это и экстремальное, полное опасностей занятие, чреватое ушибами, ссадинами, занозами. Можно разбиться, ползая по скалам или утонуть в болоте. Донимают пчелы, мошки, клещи. Порезы и ожоги оставляют хвощ и крапива. Но собирая цветы и травы, Анна, смертельно больная женщина, не чувствует ни боли, ни головокружения. Ее душа полна чудом цветения. В этой книге ритм задают именно походы за травами и цветами (их именами названы главы) и чередующиеся с походами поездки в Прагу в пункт приема лекарственных растений. И хотя Анна ведет тщательный подсчет веса своей добычи и вырученных за нее денег («единственная прямая дорога к богатству ведет через сбор трав по-крупному»), не меркантильный интерес движет ею, а одержимость круговоротом цветов, бутонов, трав. В ее внутренний монолог укладываются текущие события, диалоги, ворох старых воспоминаний — экскурсии в детство, мысли о неудачном замужестве. Сбором трав она занимается с четырех лет. «Сбор трав, который заколдовал мою обычную, ничем не примечательную жизнь и изменил ее до неузнаваемости. Да-